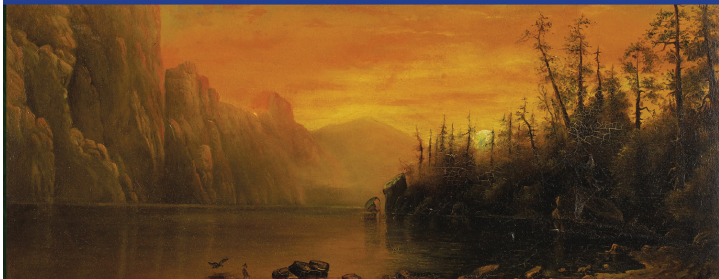

Джек Лондон
Рассказы
рыбачьего патруля
(сборник)

ФТМ

Джек Лондон

Рассказы рыбачьего патруля

Текст предоставлен правообладателем

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=51449991

Рассказы рыбачьего патруля. Сборник: ФТМ; Москва; 2020

ISBN 978-5-4467-1044-7

Аннотация

Джек Лондон (1876–1916) – американский писатель, журналист и общественный деятель. Приобрел популярность как автор приключенческих рассказов и романов. Сборник «Рассказы рыбачьего патруля» основан на воспоминаниях Джека Лондона о днях, проведенных подростком на рыбацких шхунах в заливе Сан-Франциско.

Содержание

Белые и желтые	5
Конец ознакомительного фрагмента.	18

Джек Лондон
Рассказы
рыбачьего патруля
Сборник

© Перевод. В. Хинкис, наследники, 2020

© Перевод. Э. Березина, наследники, 2020

© Перевод. Е. Шишмарева, наследники, 2020

© Агентство ФТМ, Лтд., 2020

Белые и желтые

(в переводе В. Хинкиса)

Залив Сан-Франциско так огромен, что штормы, которые на нем свирепствуют, для океанского судна подчас страшнее, чем самая яростная непогода на океане. Какой только рыбы нет в этом заливе, и какие только рыбачьи суденышки с командой из лихих удальцов на борту не бороздят его воды! Существует много разумных законов, призванных оберегать рыбу от этого пестрого сброда, и специальный рыбачий патруль следит, чтобы законы эти неукоснительно соблюдались. Бурная и переменчивая судьба выпала на долю патрульных: часто терпят они поражение и отступают, не досчитавшись кого-нибудь из своих, но еще чаще возвращаются с победой, уложив браконьера на месте преступления – там, где он незаконно закинул свои сети.

Самыми отчаянными среди рыбаков были, пожалуй, китайские ловцы креветок. Креветки обычно ползают по дну моря несметными полчищами, но, добравшись до пресной воды, сразу поворачивают назад. Китайцы, пользуясь промежутками между приливом и отливом, забрасывают на дно ставной кошельковый невод, креветки заползают в него, а оттуда попадают прямехонько в котел с кипящей водой. Собственно говоря, ничего плохого в этом нет, да вот беда: ячей-

ки у сетей до того мелкие, что даже крошечные, едва вылупившиеся мальки, длиной меньше четверти дюйма, и те не могут сквозь них пролезть. К чудесным берегам мыса Педро и мыса Пабло, где стоят поселки китайских рыбаков, просто невозможно было подступиться: там горами валялась гниющая рыба, и воздух был отравлен ее зловонием. Против такого бессмысленного истребления рыбы и призван был бороться рыбачий патруль.

Мне было шестнадцать лет, я отлично умел управлять парусным судном и знал залив как свои пять пальцев, когда мой шлюп «Северный олень» зафрахтовала рыболовная компания и я должен был временно стать одним из помощников патрульных. Немало повозившись в Верхней бухте и впадающих в нее реках с греческими рыбаками, которые чуть что пускают в ход ножи и дают себя арестовать только под дулом револьвера, мы были рады отправиться в Нижнюю бухту на усмирение бесчинствующих ловцов креветок.

Нас было шестеро на двух судах, и, чтобы не вызвать подозрений, мы вышли с вечера и бросили якорь под прикрытием крутого берега мыса Пиноль. Едва на востоке забрезжил рассвет, мы снялись с якоря и, взяв круто к береговому бризу, пересекли залив, держа на мыс Педро. Вокруг не было видно ни зги, над самой водой стлался холодный утренний туман, и мы, чтобы не продрогнуть вконец, пили горячий кофе. Кроме того, нам приходилось заниматься пренеприятным делом – вычерпывать воду, так как «Северный олень»

по непонятной причине дал порядочную течь. Мы провозились чуть ли не всю ночь, перетаскивая балласт и осматривая пазы, но, сколько ни бились, ничего не нашли. А вода все прибывала, и мы волей-неволей принялись ее вычерпывать, согнувшись в три погибели в тесном кокпите.

Напившись кофе, трое из нас перешли на другой парусник с реки Колумбия – на нем раньше ловили лососей, – а трое остались на «Северном олене». Оба судна шли борт о борт, пока из-за горизонта не показалось солнце. Его горячие лучи разогнали непроглядный туман, и перед нашими глазами, словно на картине, предстала целая флотилия китайских джонок, растянувшаяся широким полукругом, между концами которого насчитывалось добрых три мили, причем каждая джонка была пришвартована к буйку ставного невода. Но на джонках – ни души, ни малейших признаков жизни.

Мы сразу смекнули, в чем дело. Дождаясь отлива, когда будет легче поднять со дна тяжелые сети, китайцы улеглись спать в своих джонках. Это было нам на руку, и мы живо разработали план нападения.

– Пусть каждый из твоих ребят прыгнет в джонку, – шепнул мне Ле Грант с речного парусника. – А к третьей джонке пришвартуйся ты сам. Мы поступим точно так же, и проваляться мне на этом месте, если мы не захватим по крайней мере шесть джонок.

Мы разделились. Я положил «Северного оленя» на другой

галс, обогнул одну из джонок с подветренного борта, взял грот к ветру и, теряя скорость, прошел мимо кормы джонки, почти вплотную к ней и притом так медленно, что один из патрульных без труда спрыгнул в нее. Тогда я отвел «Северного оленя» в сторону, забрал ветер и направил шлюп к соседней джонке.

До сих пор все было тихо, но вот на первой джонке, захваченной парусником с реки Колумбия, поднялся шум. Кто-то пронзительно закричал, грянул пистолетный выстрел, потом снова послышался крик.

– Все пропало! Это они предупреждают своих, – сказал Джордж, стоявший рядом со мной в кокпите.

Мы были уже в самой гуще джонок, где тревога распространялась с непостижимой быстротой. На палубы выскакивали сонные полуголые китайцы. Над тихой водой понеслись предостерегающие крики и проклятия, кто-то громко затрубил в раковину. Я видел, как справа от нас главный на джонке обрубил топором швартовы и бросился помогать команде ставить огромный, диковинный парус. Но слева, на другой джонке, китайцы еще только высовывали головы наружу, и я, повернув шлюп, подошел к ней так, чтобы Джордж мог спрыгнуть на палубу.

Теперь уже все джонки обратились в бегство. Кроме парусов, они пустили в ход длинные весла и рассыпались по всему заливу. Я остался один на «Северном олене» и лихорадочно высматривал добычу. Первая моя попытка оказа-

лась очень неудачной, потому что китайцы выбрали шкоты, и джонка быстро оставила меня за кормой. При этом она встала к ветру на целых полрумба круче, чем «Северный олень», так что я невольно почувствовал уважение к суденышку, которое казалось мне таким неуклюжим. Махнув на нее рукой, я переменял галс, вытравил грота-шкот и пошел фордевинд прямо на джонки, которые были у меня с подветренного борта, чтобы использовать таким образом свое преимущество.

Джонка, на которую я нацелился, беспорядочно заметалась, но когда я описал плавную дугу, чтобы взять ее на бордаж, избежав резкого столкновения, она вдруг переменяла галс и, забрав ветер, ринулась прочь, а хитрые азиаты, налегая на весла, подбодряли себя дружными криками. Однако я был готов к этому маневру: не теряя ни секунды, я привел шлюп к ветру, положил руль на наветренный борт и навалился на румпель всем телом, на ходу выбирая обеими руками грота-шкот, чтобы по возможности ослабить удар. Два весла с правого борта джонки переломились, и наши суда столкнулись с громким треском. Бушприт «Северного оленя», словно гигантская рука, протянувшись вперед, сорвал с джонки неуклюжую мачту вместе с пузатым парусом.

На джонке раздался яростный вопль, от которого кровь застыла у меня в жилах. Здоровенный китаец, чья голова была повязана желтым шелковым платком, а злобное лицо усеяно оспинами, уперся багром в нос моего шлюпа, чтобы от-

толкнуться от него. Я отдал кливер-фал и, выждав, пока «Северного оленя» отнесло немного назад, спрыгнул на джонку с концом в руках и пришвартовался к ней. Щербатый китаец с желтым платком на голове угрожающе шагнул ко мне, но я сунул руку в карман брюк, и он остановился в нерешительности. Оружия у меня не было, но китайцы, наученные горьким опытом, опасаются этого кармана, и я надеялся таким образом удержать самого главаря и его отчаянных людей на почтительном расстоянии.

Я приказал ему отдать носовой якорь, на что он ответил: «Моя не понимает». То же самое твердили все остальные, и хотя я объяснил им знаками, что нужно сделать, они упорно отказывались меня понимать. Видя, что пререкаться бесполезно, я сам пошел на нос, размотал канат и отдал якорь.

– Вот вы, четверо, марш на шлюп! – крикнул я и объяснил на пальцах, что четверо должны последовать за мной, а пятый останется на джонке. Желтый Платок колебался, но я повторил приказ свирепым тоном (хотя на самом деле я не так уж сильно рассвирепел) и снова сунул руку в карман. Желтый Платок струхнул и, бросая на меня злобные взгляды, повел трех своих людей на «Северного оленя». Я тотчас отдал швартовы и, не поднимая кливера, направил шлюп к джонке, на которую спрыгнул Джордж. Подойдя к ней, я вздохнул свободнее, потому что теперь нас стало двое, да к тому же у Джорджа на крайний случай был револьвер. С этой джонкой мы поступили точно так же, как и с первой, – чет-

верхих китайцев взяли на шлюп, а одного оставили стеречь судно.

Затем мы взяли еще четверых китайцев с третьей джонки. К этому времени речной парусник тоже захватил двенадцать пленников и, перегруженный, подошел к нам. Как на грех, суденышко было такое маленькое, что патрульные, зажатые в толпе китайцев, едва могли шевельнуться и в случае бунта оказались бы бессильны против своих пленников.

– Выручайте, друзья, – сказал Ле Грант.

Я оглядел своих пленников, которые сгрудились в каюте или залезли на крышу рубки.

– Трех мы, пожалуй, можем взять, – сказал я.

– Бери уж четверых для ровного счета, – попросил Ле Грант. – А мне отдай Билла. (Билл – это третий патрульный с «Северного оленя».) Нам тут повернуться негде, так что ежели случится попасть в переделку, один патрульный против двух китайцев будет в самый раз.

Так мы и сделали, после чего Ле Грант поднял парус, и его судно пошло по заливу к устью заболоченной реки Сан-Рафаэль. Я поставил кливер и двинулся следом. Город Сан-Рафаэль, где мы должны были сдать пленников властям, был связан с заливом длинной и извилистой рекой, судоходной только во время прилива. Теперь прилив кончался, близился отлив, и нужно было спешить, чтобы не дожидаться целых полдня следующего прилива.

Но чем выше поднималось солнце, тем слабее дул берего-

вой бриз – теперь он налетал лишь слабыми, замирающими порывами. Судно Ле Гранта шло на веслах и вскоре оставило нас далеко позади. Несколько китайцев стояли в кокпите, у люка каюты, и один раз, перегнувшись через поручни кокпита, чтобы выбрать кливер-шкот, я почувствовал, как кто-то быстро ощупал мой карман. Я и вида не подал, что обратил на это внимание, но уголком глаза заметил, как на лице у Желтого Платка промелькнуло злорадство: он убедился, что пугавший его карман пуст.

А тут еще на беду, гоняясь за джонками, мы позабыли вычерпать из шлюпа воду, и теперь она начала заливать кокпит. Китайцы указывали на воду пальцами и вопросительно поглядывали на меня.

– Да, – сказал я. – Наша скоро пойдет ко дну, если твоя не черпай воду. Понимай?

Нет, они «не понимай», во всяком случае, они энергично трясли головами, хотя при этом весьма красноречиво переговаривались на своем тарабарском языке. Я поднял три или четыре доски, достал из рундука пару ведер и с помощью самых недвусмысленных жестов велел китайцам приниматься за дело. Но они, рассмеявшись мне в лицо, преспокойно вернулись в каюту или снова полезли на крышу рубки.

Смех китайцев не предвещал ничего хорошего. В нем звучала угроза, подкрепляемая их злобными взглядами. Желтый Платок, убедившись, что я безоружен, совсем обнаглел и расхаживал среди пленников, настойчиво подбивая их на

что-то.

Скрывая свою досаду, я спустился в кокпит и сам стал вычерпывать воду. Но едва я взялся за ведро, как у меня над головой просвистел гик, судно резко легло на другой галс, грот наполнился ветром и шлюп дал крен. Это задул морской бриз. Джордж был самой настоящей сухопутной крысой, так что мне пришлось бросить ведро и снова взяться за румпель. Ветер дул прямо со стороны замкнутого высокими горами мыса Педро и поэтому был шквалистый и коварный: паруса то наполнялись, то без толку полоскались на реях.

От Джорджа не было никакого толку – в жизни я еще не встречал более беспомощного человека. Кроме всего прочего, у него была еще чахотка, и я знал, что, если заставить его вычерпывать воду, у него может пойти горлом кровь. А вода все прибывала, медлить было нельзя. Я снова приказал китайцам взяться за ведра. Они дерзко расхохотались, и те, что стояли в каюте по щиколотку в воде, начали громко переговариваться со своими соплеменниками, сидевшими на крыше.

– Вынь-ка свою пушку да заставь их поработать, – сказал я Джорджу.

Но он только покачал головой, и мне стало ясно, что он струсил. Китайцы не хуже меня поняли это, и наглость их стала просто невыносимой. Они взломали в каюте ящики с провизией, а те, что сидели на крыше рубки, спрыгнули вниз, и все вместе они стали лакомиться нашими галетами и кон-

сервами.

– Наплевать нам на это, – сказал Джордж дрожащим голосом.

Меня душил бессильный гнев.

– Если они выйдут из повиновения, будет поздно. Лучше сразу поставить их на место.

А вода все поднималась, и порывы ветра – первые вестники устойчивого бриза – становились все сильнее и сильнее. Наши пленники, покончив с недельным запасом провизии, едва затихал ветер, дружно перебежали от одного борта к другому, шлюп раскачивался и прыгал по воде, как яичная скорлупка. Желтый Платок подошел ко мне и, указывая на берег мыса Педро, где находилась его деревня, объяснил, что, если я поверну туда и высажу их на берег, они готовы вычерпывать воду. В каюте вода уже поднялась до уровня коек, простыни намокли. В кокпите глубина ее достигла целого фута. И все же я отказался наотрез. На лице Джорджа отразилось разочарование.

– Будь же мужчиной, не то они выбросят нас за борт, – сказал я ему. – Дай-ка сюда револьвер, так оно вернее.

– Вернее всего было бы высадить их на берег, – малодушно отозвался он. – Право, у меня нет никакой охоты утонуть из-за горстки паршивых китайцев.

– А у меня, право, нет никакой охоты сдаваться на милость горстки паршивых китайцев, только бы не утонуть! – с жаром воскликнул я.

– Но ведь тыпустишь «Северного оленя» ко дну, а вместе с ним и нас, – заскулил он. – Не понимаю, что тут хорошего...

– На вкус, на цвет товарища нет! – отрезал я.

Он промолчал, но я видел, что его бьет дрожь. Угрозы китайцев и неуклонно прибывавшая вода лишили его последних остатков мужества, и я знал, что под влиянием страха он не остановится ни перед чем, лишь бы спасти свою шкуру. Я перехватил тоскливый взгляд, брошенный им на маленький ялик, который шел на буксире за кормой шлюпа, и как только утих очередной порыв ветра, подтянул ялик к борту. В глазах Джорджа блеснула надежда: но прежде чем он угадал мое намерение, я проломил тонкое дно топором, и ялик осел глубоко в воду.

– Уж если тонуть, так вместе, – сказал я. – Давай сюда револьвер, и я живо заставлю их вычерпать воду.

– Но ведь их так много! – захныкал он. – Нам с ними не справиться.

Я с негодованием повернулся к нему спиной. Парусник Ле Гранта давно уже скрылся за маленьким архипелагом, известным под названием архипелага Марин, и ждать от него помощи было нечего. Желтый Платок развязно подошел ко мне, вода в кокпите лизала ему ноги. Мне не нравился его вид. Под приятной улыбкой, которую он старался изобразить на лице, я угадывал недобрый умысел. Я так грозно приказал ему остановиться, что он повиновался.

– Ни шагу дальше! – крикнул я. – Не смей подходить ко мне.

– Почему так говоришь? – недовольно спросил он. – Моя знает по-английски много-много.

– Знает по-английски! – воскликнул я с горечью. Ясное дело, он прекрасно понял все, что произошло между Джорджем и мной. – Врешь, ничего ты не знаешь!

Он осклабился во весь рот.

– Нет, моя знает много-много. Моя – честный китаец.

– Ладно, – сказал я. – Знаешь, так знай. Давай вычерпывай воду, а потом будем разговаривать.

Он покачал головой и кивнул на своих товарищей.

– Никак нельзя. Плохой люди, очень плохой. Да, да...

– Ни с места! – крикнул я, заметив, что он сунул руку за пазуху и изготовился к прыжку.

Обескураженный, он вернулся в каюту и стал там что-то лопотать: видно, держал совет со своими. «Северный олень» глубоко осел в воду, отяжелел и почти не слушался руля. При малейшем волнении он неизбежно пошел бы ко дну; но ветер был слабый, он едва морщил водную гладь.

– Послушай, нам лучше бы повернуть к берегу, – заявил вдруг Джордж, и по его тону я понял, что страх придал ему решимости.

– Ни за что! – отозвался я.

– Я тебе приказываю! – сказал он с угрозой в голосе.

– Мне приказано доставить пленников в Сан-Рафаэль, –

отозвался я.

Мы почти кричали, и китайцы, услышав перебранку, вылезли на палубу.

– Повернешь ты к берегу или нет?

С этими словами Джордж направил на меня револьвер, – этот трус побоялся пустить его в ход против китайцев, а теперь грозил им товарищу!

Словно молния вспыхнула в ночном мраке – так ясно увидел я все, что ожидает меня из-за постыдной трусости Джорджа: позорное возвращение без пленников, встреча с Ле Грантом и другими товарищами, жалкие оправдания... Преследуя браконьеров, мы рисковали жизнью, и вот теперь добытая с таким трудом победа ускользает прямо из рук. Краешком глаза я видел, что китайцы столпились у люка и бросают на нас торжествующие взгляды. Врете, не бывать по-вашему!

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.